

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-253-264

Коррупция: институциональные признаки, социальные детерминанты и последствия*

С.В. Егорышев¹, Е.А. Егорышева²

¹Институт стратегических исследований Республики Башкортостан
ул. Кирова, 15, Уфа, 450008, Россия

²Институт права Башкирского государственного университета
ул. Достоевского, 131, Уфа, 450005, Россия
(e-mail: sv_egoryshev@mail.ru, helena0503@mail.ru)

Аннотация. В статье рассмотрена природа, причины, детерминанты и последствия распространения коррупции. Как проявление социальной девиации деликвентного характера и одна из разновидностей преступности коррупция оказывает деструктивное влияние на все сферы общественной жизни и, прежде всего, на управление ими, перераспределяя их ресурсы и подменяя общественные ценности и цели групповыми и личными. Проявляясь не только на уровне государств, но и в международном масштабе, коррупция требует активного противодействия со стороны мирового сообщества: в календари 187 стран, включая Россию, внесен Международный день борьбы с коррупцией. По оценкам Всемирного банка, ежегодный объем взяток в мире составляет 1 триллион долларов. Для многих стран коррупция стала угрозой национальной безопасности, что заставляет искать и использовать эффективные и нередко радикальные меры противодействия коррупции, что закономерно сопровождается ее всесторонними исследованиями как объективного и распространенного социального явления. В статье коррупция рассмотрена на основе междисциплинарной методологии с акцентом на институциональном и структурно-функциональном подходах, что позволило охарактеризовать институциональные признаки коррупции, ее структуру, функции и социальные последствия, а также оценить эффективность мер антикоррупционной политики. Статья написана по материалам официальной статистики, отражающей динамику преступлений коррупционной направленности в России и в Республике Башкортостан за 2012–2020 годы, а также по результатам социологического исследования Института стратегических исследований Республики Башкортостан, проведенного в 2020 году на основе методики оценки коррупции, утвержденной Постановлением Правительства РФ. Исследование было сфокусировано на проблемах во взаимодействии граждан и сотрудников органов государственной и муниципальной власти («бытовая» коррупция), а также органов власти и представителей бизнеса («деловая» коррупция) (соответствующие выборки составили 814 и 300 человек). Исследование «бытовой» коррупции проводилось методом индивидуального формализованного интервью, «деловой» коррупции — методом анонимного анкетирования на платформе Google Forms.

Ключевые слова: социальная девиация; преступность; коррупция; детерминанты и тенденции; функции и последствия; институциональные признаки; антикоррупционная политика; социально-терпимый уровень коррупции

* © Егорышев С.В., Егорышева Е.А., 2021

Статья поступила 12.01.2021 г. Статья принята к публикации 02.04.2021 г.

Множество международных и российских политических и правовых документов и публикаций специалистов, представляющих разные отрасли научного знания, обусловили целый ряд интерпретаций коррупции. Приведем две наиболее полные и часто встречающиеся в литературе дефиниции: в самом общем понимании коррупция — это использование должностными лицами служебного положения в корыстных целях [24. С. 147]. Поскольку предмет нашего рассмотрения — коррупционные преступления, которые подразделяются на несколько видов, мы будем опираться на определение, представленное в законодательстве: «коррупция — злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [30].

Различия в интерпретациях коррупции и в подходах к ее изучению проявляются в классификации ее видов. На наш взгляд, при классификации действий коррупционного характера следует опираться на то, по какой из нормативных систем (право или мораль) оценивается коррупционное поведение — как девиантное (аморальное) или как деликventное (преступление), а также на то, в какой сфере осуществляются коррупционные действия. Соответственно, коррупция может быть государственной (верхушечной), политической, коммерческой (деловой) и бытовой (низовой) [8; 18]. Возможны и иные классификации, поскольку коррупция — сложное, многофакторное, объективно существующее социально-опасное явление, требующее междисциплинарного изучения.

Когда коррупция становится предметом социологического интереса, институциональный и структурно-функциональный подходы дополняют межпредметную методологию ее изучения. К тому же коррупция приобрела институциональные признаки, имеет свою иерархию и стратификацию в социальной структуре. Институционализация коррупции свидетельствует о том, что существующие и возникающие практики взаимодействия социальных групп, индивидов и органов власти на коррупционной основе стали регулярными и долговременными, а в российской действительности и традиционными: 34% опрошенных нами респондентов видят причины коррупции в стране в традициях и особенностях менталитета, 37% — в традиционной алчности чиновников.

Признаками превращения коррупции в социальный институт служат, например, функции, которые она выполняет. Выделяют следующие функции коррупции: упрощение административных связей, ускорение принятия управленческих решений, сокращение и ослабление бюрократических барьеров, перераспределение ресурсов в условиях их дефицита; «обеспечение незаконным путем объективной потребности», не удовлетворенной в должной

мере нормальными социальными институтами [3. С. 292; 10; 32. С. 21]. Признаками институционализации коррупции являются наличие субъектов коррупционных действий и отношений, распределение социальных ролей, формирование правил коррупционного поведения, таксы коррупционных услуг, сленга и символики, используемых при выстраивании коррупционных схем: «один дает, другой берет, и дело движется вперед» [15. С. 261].

Институционализации коррупции во многом способствует наличие коррупционной идеологии. Так, в чиновничьей среде с начала рыночных реформ с подачи Г.Х. Попова укрепилось мнение, что взятка — способ адаптации чиновников к условиям рынка, а Е.Т. Гайдар утверждал, что «Россию у номенклатуры нельзя, да и не нужно отнимать силой, ее можно “выкупить”» [2. С. 143], — вот и «выкупаются» должности, услуги, контракты, ресурсы и т.п. В то же время простые люди часто рассматривают коррупционные проявления как норму, позволяющую ускорить решение проблемы, получить привилегию, выразить признательность за оказанную услугу и т.п.

В ходе проведенного нами исследования было установлено, что 61% опрошенных бизнесменов не использовали прямые или скрытые платежи, чтобы снизить активность чиновников при исполнении ими своего служебного долга, но каждый третий (33%) бизнесмен в той или иной мере пользовался этим коррупционным инструментом. В 2020 году в Башкортостане каждый третий предприниматель в той или иной мере был участником коррупционных действий в форме подарков (60%), прямых и скрытых платежей (30%) и неформальных услуг (42%). 38% опрошенных предпринимателей назвали сумму неформальных платежей в диапазоне от 3 до 150 тысяч рублей, причем для 44% из них размер платежа был известен заранее. 47% респондентов из «неделовой среды» назвали стоимость подарка или величину взятки в интервале от 3 до 15 тысяч рублей, и для 63% из них сумма была известна заранее. В общественном сознании сложилось терпимое, часто безразличное и даже оценочно-неопределенное отношение к коррупции. Например, только 40% респондентов осудили и тех, кто дает взятки, и тех, кто их берет, 22% — только берущих взятки, а каждый десятый не осуждает никого из них.

Сохранение и воспроизводство коррупции на всем временном пути развития государственно-организованных обществ обычно объясняется теми же причинами, что и существование социальных отклонений как таковых, включая крайне деструктивную и социально-опасную их форму — преступность, о которой немецкий профессор-юрист, представитель сформировавшейся в 1880–1890-е годы социологической школы уголовного права Ф. Лист писал, что преступность вечна, как смерть и болезни [13. С. 103]. Другие представители школы — Э. Ферри [31] и Г. Тард [26] — отмечали взаимосвязь цивилизации и преступности, а Э. Дюркгейм считал преступность «нормой», без которой общество невозможно [4].

Ответ на вопрос о причинах этой «нормальности» дают социологи и криминологи [3; 12]. Так, «наличие, постоянное сохранение в обществе преступности — невозможно без признания того, что и преступность выполняет

определенную социальную функцию, служит формой либо регулятивной, либо адаптивной (приспособительной) реакции на общественные процессы, явления, института» [33. С. 14]. Следовательно, коррупция как вид преступности и аморальности объективно присуща обществу, живущему в условиях товарно-денежных отношений, и государству, пораженному бюрократизмом, будучи способом корректировки неэффективной работы государственной системы: «коррупция — хроническая и неизлечимая болезнь любого государственного аппарата всех времен и народов» [9].

Основной детерминантой коррупции является бюрократизм как патология государственного управления и следствие стагнации государственной власти. По мере снижения эффективности государственного аппарата и социального контроля под влиянием бюрократизации возрастают возможности коррупции, которая как бы компенсирует недостатки управления. И если бюрократизм — это власть должностного положения, то коррупция — злоупотребление этим положением ради выгоды обладающих властью. Скажем, такое производное коррупции, как блат — это «неформальная система сопротивления требованиям бюрократии» [19. С. 183], т.е. использование личных контактов для обеспечения доступа к ресурсам, товарам, услугам и привилегиям в собственных, родственных и дружеских корыстных интересах.

Блат возможен благодаря такой детерминанте коррупции, как кумовство (непотизм) — служебное покровительство друзьям и родственникам в ущерб делу [16. С. 286], когда «все в нашей власти — если во власти все наши!» [14. С. 260]. В управленческой практике кумовство проявляется в так называемых «командах» поддержки или соратников, на которые опираются руководители всех рангов и которые составляют основу бюрократических аппаратов этих руководителей. Такая взаимная поддержка редко способствует синергетическому эффекту в управлении и чаще ведет к достижению идеала бюрократии — максимизации масштабов и сфер контроля при минимизации ответственности [5; 6].

Коррупционные действия, включая взяточничество (получение взятки и посредничество), относятся к социально опасным видам преступности, которой оказывается активное противодействие. В советское время взяточничество характеризовалось выраженной латентностью и меньшими масштабами по сравнению с настоящим временем. Так, например, в 1980-е годы удельный вес коррупционных преступлений в общем числе зарегистрированной преступности в стране не превышал 0,6%, причем и в СССР, и в РСФСР наблюдалась тенденция сокращения выявленных случаев взяточничества (с 6024 фактов — в СССР и 3268 фактов — в РСФСР в 1980 году до 4292 фактов — в СССР и 2195 фактов — в РСФСР в 1989 году) [17. С. 74].

С 1990-х до 2009 года официальная статистика стала показывать устойчивую тенденцию роста зарегистрированного взяточничества в России (2691 факт — в 1990 году, 6872 факт — в 1999, 13141 факт — в 2009 году) [3. С. 301], как и общих показателей преступности в стране. С 2012 по 2019 год в России в целом и в Республике Башкортостан статистика вновь показала

тенденцию снижения уровня регистрируемой преступности (2012 — соответственно 2302168 и 65418 преступлений, 2016 — 2160063 и 65343, 2018 — 1991532 и 54428) и уровня выявленных преступлений коррупционной направленности, которые в стране и регионе не превышали 2,6% (2012 — соответственно 49513 и 1690 преступлений, 2016 — 32924 и 549, 2018 — 30495 и 623) [20; 21; 22]. 2020 год показал рост регистрируемой преступности и коррупционной ее разновидности: в России — соответственно 2044221 и 30813 преступлений [23], в Башкортостане — 55883 и 1103 [7] (Табл. 1). В 2020 году удельный вес коррупционных преступлений в общем объеме зарегистрированной преступности составил в России 1,5%, в Башкортостане — 2%.

Таблица 1

Преступления коррупционной направленности в России и Республике Башкортостан, 2012–2020 годы [7; 20; 21; 22; 23]

Преступления коррупционной направленности (ед.)	Российская Федерация				Республика Башкортостан			
	2012	2016	2018	2020	2012	2016	2018	2020
Всего:	49513	32924	30495	30813	1690	549	623	1103
Связанные со взяточничеством	9758	10758	12527	14548	257	327	293	370
Связанные с коммерческим подкупом	1212	1165	968	1444	106	116	36	56

Помимо взяточничества, к преступлениям коррупционной направленности относятся должностные преступления против интересов государственной службы, местного самоуправления, коммерческих и иных организаций. Если в 2018 году в России было учтено 13262 преступления против интересов государственной службы, то в 2020 году — 14773, а в Республике Башкортостан — соответственно 494 и 652 [7; 23]. На фоне роста числа преступлений коррупционной направленности заметно и увеличение денежных сумм, фигурирующих в них: 2012 год — 30271 тысяч рублей, 2016 — 3988, 2018 — 72586, 2020 — 126604 [20; 21; 22; 23]. В 2012 году средний размер взятки в Башкортостане составил 83 тысячи рублей, в 2018 году — 522 тысячи, в 2020 — 663 [7]. Таким образом, коррупционеры стали выше ценить свои «услуги» и учитывать разницу между возможной выгодой и финансовыми потерями в случае разоблачения. В 2020 году ущерб от коррупционных преступлений в республике составил 258612 тысяч рублей.

Общество, за исключением чиновничье-бюрократического сословия, заинтересовано в сокращении коррупции до социально-терпимого уровня — когда проявления коррупции не оказывают на общественное сознание сильного депрессивного воздействия. Сложность решения этой задачи обусловлена объективной природой и институциональным характером коррупции, ее взаимосвязью с другими формами социальных отклонений, прежде всего преступностью, наличием сильнодействующих факторов коррупции, включая

заинтересованных в ней групп, располагающих огромными административными и финансовыми возможностями для торможения антикоррупционной политики и сведения ее к показательным кампаниям.

Кроме того, коррупция отличается высокой способностью адаптироваться к существующим барьерам, разрушать их и препятствовать созданию новых. Как правило, речь идет о правовых и административных антикоррупционных барьерах, но возникают и барьеры, которые, напротив, способствуют процветанию коррупции. Например, это дополнительные правила, регламентации, условия для деятельности коммерческих структур, особенно на стадии их создания и начала функционирования, и в сфере оказания государственных услуг. Сталкиваясь с подобными барьерами и разрушая их при помощи взяток, предприниматели несут дополнительные издержки и в стремлении сократить их нередко экономят на выполнении законных требований (за такой «экономией» стоят не только материальные, но и людские потери). В целом обеспечить социально-терпимый уровень коррупции одними лишь правовыми мерами не удастся — нужны эффективные политические, экономические и социальные меры противодействия ей [25. С. 141; 32. С. 307].

Вместе с тем следует отметить и позитивные результаты противодействия коррупции правоохранными органами, что выражается в росте выявляемости и раскрываемости преступлений коррупционного характера (в 2020 году в России составили 95% [23]). Тем не менее, снизить коррупцию до социально-терпимого уровня одними полицейскими мерами невозможно. Огромный резерв для решения этой задачи кроется, во-первых, в формировании в общественном сознании устойчивого чувства неприятия коррупционных действий, какими бы причинами они ни объяснялись; во-вторых, необходимо активное участие самого общества в противодействии коррупции. «Я буду ждать того времени, — писал великий русский писатель-драматург А.Н. Островский, — когда взяточник будет бояться суда общественного больше, чем уголовного» [14. С. 364]. Эти слова актуальны и сегодня, но звучат скорее как благие пожелания, поскольку «в настоящий момент, к сожалению, вклад общественности в выявление коррупционных преступлений не столь значителен» [11. С. 27].

Следует хотя бы тезисно сказать о мерах противодействия коррупции, например, в Республике Башкортостан и об оценке их эффективности респондентами. В регионе эту работу проводят не только правоохранные органы, но и структуры государственной власти и муниципального управления. Объединяет их усилия Комиссия по координации работы по противодействию коррупции в Республике Башкортостан, возглавляемая главой региона. Также создано Управление главы региона по противодействию коррупции в Аппарате межведомственного Совета общественной безопасности республики. Оценка эффективности антикоррупционных мер Комиссия осуществляет не только по отчетам и статистическим данным, но и по результатам социологических исследований.

В российском и региональном законодательстве, в подзаконных нормативно-правовых актах описан комплекс антикоррупционных мер, применение

которых дает различный эффект, связанный не только с выявлением и раскрытием преступлений коррупционной направленности, но и с их предупреждением и профилактикой. Оценка этих мер респондентами-предпринимателями, мнение которых в силу их профессиональной деятельности можно считать компетентным, представлена в Таблице 2.

Если суммировать данные по двум группам показателей: 1 — «очень и скорее эффективные» — и 2 — «скорее и абсолютно неэффективные», то наиболее эффективными респонденты считают следующие антикоррупционные меры: ужесточение наказания (76%), упрощение процедуры предоставления государственных услуг (74%), ограничение (обезличивание) прямого контакта между заявителем и исполнителем государственных услуг (70%), информирование граждан о возможностях противодействия коррупции (69%). Таким образом, предприниматели поддерживают не только строгое наказание коррупционеров, но и меры профилактики, включая предание гласности фактов коррупции и повышение информированности граждан о возможностях противодействия коррупционным действиям. Однако респонденты не считают эффективными массовую пропаганду нетерпимости к коррупции (34%), повышение заработной платы чиновников (48%) и ротацию управленческих кадров (34%).

Как и в случае с преступностью в целом, представления о масштабах и сферах распространения коррупции на трех уровнях организации социума (страна — регион — муниципалитет) преимущественно сформированы средствами массовой информации. Так, степень коррумпированности федеральных органов власти респонденты оценивают выше (31%), чем республиканских (21%) и муниципальных (19%), хотя более трети (37%) опрошенных затруднились с ответом. Такой же умозрительный характер имеют оценки мер, направленных на противодействие коррупции: только 8% знают об этих мерах и постоянно повышают свою информированность, каждый четвертый (25%) что-то слышал, но конкретно ничего сказать не может. 37% считают недостаточно эффективной проводимую в стране антикоррупционную политику, потому что власти либо хотят, но не могут эффективно бороться с коррупцией (20%), либо могут, но не хотят этого делать (22%). Четверть респондентов не смогли или не захотели высказать свое мнение по этому вопросу. Вероятнее всего, эти оценки формируются на основе несовпадения ожиданий от применяемых мер и реальных результатов, а также под влиянием акцентов, содержащихся в материалах СМИ.

Все это подтверждает актуальность задачи достижения социально-терпимого уровня коррупции, обусловленного не привыканием к ней как средству, компенсирующему недостатки управленческих структур, или методу противостояния соперничающих преступных групп, а восприятием коррупции и ее последствий на основе достоверной информации и компетентных оценок антикоррупционных мер.

Таблица 2

Оценка респондентами-предпринимателями эффективности антикоррупционных мер (в %) (Республика Башкортостан, 2020)

Содержание меры	Степень эффективности				
	Очень эффективная	Скорее эффективная	Скорее неэффективная	Абсолютно неэффективная	Затрудняюсь ответить
Создание специального органа по борьбе с коррупцией	12	40	26	11	11
Введение ограничений на сделки между государственными структурами и коммерческими организациями, руководители которых состоят в родственных отношениях	15	47	22	6	10
Регламентирование подарков должностным лицам	10	43	27	10	10
Повышение прозрачности во взаимодействии государственных и муниципальных служащих с организациями в рамках системы «электронное правительство»	30	37	14	8	11
Ограничение (обезличивание) прямого контакта заявителя и исполнителя государственной услуги	30	40	14	7	9
Упрощение процедуры предоставления услуг органами власти (принцип «одного окна», МФЦ, Интернет-портал государственных услуг)	36	38	10	6	10
Совершенствование законодательства	19	44	19	5	13
Система ротации должностных лиц	13	40	26	8	13
Усиление контроля за доходами и расходами должностных лиц	30	36	18	7	9
Ужесточение наказания за коррупцию	39	37	10	6	8
Повышение зарплат чиновникам	12	26	31	17	14
Публичное, включая СМИ, осуждение коррупционеров	28	42	14	7	9
Информирование граждан о возможностях противодействия коррупции	24	45	16	7	8
Массовая пропаганда нетерпимости к коррупции	19	32	22	12	15

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках государственного задания ГАНУ «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан» на 2020–2021 годы.

Библиографический список

- [1] *Ведерников В.* С кого взятки не гладки // Российская газета. Неделя. 2020. № 287.
- [2] *Гайдар Е.Т.* Государство и эволюция. М., 1995.
- [3] *Гилинский Я.И.* Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб., 2021.
- [4] *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1990.
- [5] *Егорышев С.В.* Влияние криминальной девиации на демографические процессы в Республике Башкортостан // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 1.
- [6] *Егорышев С.В.* Экономическая преступность как фактор снижения уровня управляемости обществом // Вопросы управления. 2020. № 5.
- [7] Итоги деятельности МВД по РБ за январь-декабрь 2012 г., 2016 г., 2018 г., 2020 г. URL: <https://02blaew/xn-plai/slujba/itogi-dejatelnosti>.
- [8] *Кабанов П.А., Райков Г.И., Чирков Д.К.* Политическая коррупция в условиях реформирования российской государственности на рубеже веков. М., 2008.
- [9] *Кирпичников А.И.* Взятка и коррупция в России. СПб., 1997.
- [10] *Клямкин И., Тимофеев Л.* Теневой образ жизни: Социологический автопортрет постсоветского общества. М., 2000.
- [11] *Краснов И.* Прививка от коррупции // Российская газета. Неделя. 2020. № 278.
- [12] *Куц К.-Л.* Введение в криминологическое мышление. СПб., 2019.
- [13] *Лист Ф.* Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление. М., 2009.
- [14] *Мудрость России / Сост. Кожевников А.Ю., Линберг Т.Б.* СПб., 2005.
- [15] *Мудрость тысячелетий от А до Я. Великие мысли и афоризмы великих людей / Сост. В.Н. Зубков.* М., 2010.
- [16] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1973.
- [17] *Преступность и правонарушения в СССР.* Стат. сб. М., 1990.
- [18] *Сатаров Г.А.* Диагностика российской коррупции: Социологический анализ. М., 2002.
- [19] *Смелзер Н.* Социология. М., 1990.
- [20] *Состояние преступности в России за январь-декабрь 2012 г.* М., 2013.
- [21] *Состояние преступности в России за январь-декабрь 2016 г.* М., 2017.
- [22] *Состояние преступности в России за январь-декабрь 2018 г.* М., 2019.
- [23] *Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 г.* М., 2021.
- [24] *Социологический энциклопедический словарь / Ред. Г.В. Осипов.* М., 1998.
- [25] *Социология и экономика современной социальной реальности.* М., 2014.
- [26] *Тард Г.* Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы. М., 2004.
- [27] *Тимофеев Л.* Институциональная коррупция: Очерки теории. М., 2000.
- [28] *Троцук И.В.* Краткий курс социологии в изложении криминолога // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2014. № 4.
- [29] *Троцук И.* Неформальные практики: иррациональное поведение или влияние культуры? Два контекстуальных «фрейма» для изучения неформальной экономики // Крестьяноведение. 2018. Т.3. № 4.
- [30] *Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Российская газета. 2020. 1 августа.*
- [31] *Ферри Э.* Уголовная социология. М., 2009.
- [32] *Яковлев А.М.* Социология экономической преступности. М., 1988.
- [33] *Яковлев А.М.* Социология преступности. М., 2001.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-253-264

Corruption: institutional features, social determinants and consequences*

S.V. Egoryshev¹, E.A. Egorysheva²

¹Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan
Kirova St., 15, Ufa, 450008, Russia

²Institute of Law of the Bashkir State University,
Dostoevsky St., 131, Ufa, 450005, Russia
(e-mail: sv_egoryshev@mail.ru, helena0503@mail.ru)

Abstract. The article considers the nature, causes, determinants and consequences of corruption. As a form of social deviation of a delinquent nature and as a type of crime, corruption has a destructive effect on all spheres of social life, primarily on their management — by redistributing their resources and by replacing social values and goals with group and personal ones. Corruption affects not only states but also international affairs; therefore, we need active opposition to corruption from the world community: International Anti-Corruption Day was included in the calendars of 187 countries including Russia. According to the World Bank, the annual global amount of bribes is 1 trillion US dollars. For many countries, corruption has become a threat to national security, which makes them seek and use effective and often radical measures to counter corruption, and to conduct comprehensive studies of corruption as an objective and widespread social phenomenon. The authors consider corruption on the basis of an interdisciplinary methodology with an emphasis on institutional and structural-functional approaches, which allowed to identify institutional features of corruption, its structure, functions and social consequences, and to assess the efficiency of anti-corruption measures. The article is based on the statistical data on the dynamics of corruption in Russia and the Republic of Bashkortostan in 2012–2020, and on the results of the sociological survey conducted by the Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan in 2020 according to the methodology for assessing corruption described in the Decree of the Government of the Russian Federation. The survey focused on the problems in the interaction of citizens and employees of state and municipal authorities ('everyday' corruption), and in the interaction of authorities and business ('business' corruption) (the corresponding samples were 814 and 300 people). The study of 'everyday' corruption was conducted by individual formalized interviews, of 'business' corruption — by the online survey on the Google Forms.

Key words: social deviation; crime; corruption; determinants and trends; functions and consequences; institutional features; anti-corruption policy; socially-acceptable level of corruption

Funding

The article was prepared in the framework of the state assignment of the Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan for 2020–2021.

References

- [1] Vedernikov V. S kogo vzyatki ne gladki [Who can be called to account]. *Rossiyskaya Gazeta. Nedelya*. 2020; 287. (In Russ.).
- [2] Gaydar E.T. *Gosudarstvo i evolyutsiya* [State and Evolution]. Moscow; 1995 (In Russ.).

* © S.V. Egoryshev, E.A. Egorysheva, 2021

The article was submitted on 12.01.2021. The article was accepted on 02.04.2021.

- [3] Gilinsky Ya.I. *Deviantologiya: sotsiologiya prestupnosti, narkotizma, prostitutsii, samoubiystv i drugikh 'otkloneni'* [Deviantology: Sociology of Crime, Drug Addiction, Prostitution, Suicide and Other 'Deviations']. Saint Petersburg; 2021. (In Russ.).
- [4] Durkheim E. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii [The Division of Labor in Society. Method of Sociology]. Moscow; 1990. (In Russ.).
- [5] Egoryshev S.V. Vliyaniye kriminalnoy devyatsii na demograficheskie protsessy v Respublike Bashkortostan [The influence of criminal deviation on the demographic processes in the Republic of Bashkortostan]. *RUDN Journal of Sociology*. 2020; 20 (1). (In Russ.).
- [6] Egoryshev S.V. Ekonomicheskaya prestupnost kak faktor snizheniya urovnya upravlyaemosti obshchestvom [Economic crime as a factor reducing the level of social controllability]. *Voprosy Upravleniya*. 2020; 5 (In Russ.).
- [7] Itogi deyatelnosti MVD po RB za yanvar-dekabr 2012 g., 2016 g., 2018 g., 2020 g. [Results of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Bashkortostan in January-December 2012, 2016, 2018, 2020]. URL: <https://02blaew/xn-plai/slujba/itogi-deyatelnosti>. (In Russ.).
- [8] Kabanov P.A., Raykov G.I., Chirkov D.K. *Politicheskaya korruptsiya v usloviyakh reformirovaniya rossiyskoy gosudarstvennosti na rubezhe vekov* [Political Corruption under the Reforms of the Russian Statehood at the Turn of the Century]. Moscow; 2008. (In Russ.).
- [9] Kirpichnikov A.I. *Vzyatka i korruptsiya v Rossii* [Bribery and Corruption in Russia]. Saint Petersburg; 1997. (In Russ.).
- [10] Klyamkin I., Timofeev L. *Tenevoy obraz zhizni: Sotsiologicheskyy avtoportret postsovetskogo obshchestva* [Shadow Way of Life: Sociological Self-Portrait of the Post-Soviet Society]. Moscow; 2000. (In Russ.).
- [11] Krasnov I. Privivka ot korruptsii [Vaccination against corruption]. *Rossiyskaya Gazeta. Nedelya*. 2020; 278. (In Russ.).
- [12] Kunz K.-L. *Vvedenie v kriminologicheskoye myshlenie* [Introduction to Criminological Thinking]. Saint Petersburg; 2019. (In Russ.).
- [13] List F. *Zadachi ugovnoy politiki. Prestuplenie kak sotsialno-patologicheskoye yavlenie* [Tasks of Criminal Policy. Crime as a Social-Pathological Phenomenon]. Moscow; 2009. (In Russ.).
- [14] *Mudrost Rossii* [Wisdom of Russia]. Sost. Kozhevnikov A.Yu., Linberg T.B. Saint Petersburg; 2005. (In Russ.).
- [15] *Mudrost tysyacheletiy ot A do Ya. Velikie myсли i aforizmy velikikh lyudey* [Wisdom of Millennia from A to Z. Great Thoughts and Aphorisms of Great People]. Sost. V.N. Zubkov. Moscow; 2010. (In Russ.).
- [16] Ozhegov S.I. *Slovar russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow; 1973. (In Russ.).
- [17] *Prestupnost i pravonarusheniya v SSSR* [Crime and Delinquency in the USSR]. Stat. sb. Moscow; 1990. (In Russ.).
- [18] Satarov G.A. *Diagnostika rossiyskoy korruptsii: Sotsiologicheskyy analiz* [Diagnostics of the Russian Corruption: A Sociological Analysis]. Moscow; 2002. (In Russ.).
- [19] Smelser N. *Sotsiologiya* [Sociology]. Moscow; 1990. (In Russ.).
- [20] *Sostoyaniye prestupnosti v Rossii za yanvar-dekabr 2012 g.* [The State of Crime in Russia in January-December 2012]. Moscow; 2013. (In Russ.).
- [21] *Sostoyaniye prestupnosti v Rossii za yanvar-dekabr 2016 g.* [The State of Crime in Russia in January-December 2016]. Moscow; 2017. (In Russ.).
- [22] *Sostoyaniye prestupnosti v Rossii za yanvar-dekabr 2018 g.* [The State of Crime in Russia in January-December 2018]. Moscow; 2019. (In Russ.).
- [23] *Sostoyaniye prestupnosti v Rossii za yanvar-dekabr 2020 g.* [The State of Crime in Russia in January-December 2020]. Moscow; 2021. (In Russ.).
- [24] *Sotsiologicheskyy entsiklopedicheskiy slovar* [Sociological Encyclopedic Dictionary]. Red. G.V. Osipov. Moscow; 1998. (In Russ.).

- [25] *Sotsiologiya i ekonomika sovremennoy sotsialnoy realnosti* [Sociology and Economics of Contemporary Social Reality]. Moscow; 2014. (In Russ.).
- [26] Tarde G. *Prestupnik i prestuplenie. Sravnitel'naya prestupnost. Prestupleniya tolpy* [Criminal and Crime. Comparative Criminality. Crimes of the Crowd]. Moscow; 2004. (In Russ.).
- [27] Timofeev L. *Institutsionalnaya korruptsiya: Ocherki teorii* [Institutional Corruption: Essays on Theory]. Moscow; 2000. (In Russ.).
- [28] Trotsuk I.V. *Kratky kurs sotsiologii v izlozhenii kriminologa* [A brief course of sociology by a criminologist]. *RUDN Journal of Sociology*. 2014; 4. (In Russ.).
- [29] Trotsuk I. *Neformalnye praktiki: irratsionalnoe povedenie ili vliyanie kultury? Dva kontekstualnykh "freyma" dlya izucheniya neformalnoy ekonomiki* [Informal practices: Irrational behavior or cultural influence? Two contextual "frames" for the study of informal economy]. *Russian Peasant Studies*. 2018; 3 (4). (In Russ.).
- [30] *Federalny zakon ot 25 dekabrya 2008 g. № 273-FZ "O protivodeystvii korruptsii"* [Federal Law of December 25, 2008 No. 273-FZ "On Anti-Corruption"]. *Rossiyskaya Gazeta*. 2020; 1 avgusta. (In Russ.).
- [31] Ferry E. *Ugolovnaya sotsiologiya* [Criminal Sociology]. Moscow; 2009. (In Russ.).
- [32] Yakovlev A.M. *Sotsiologiya ekonomicheskoy prestupnosti* [Sociology of Economic Crime]. Moscow; 1988. (In Russ.).
- [33] Yakovlev A.M. *Sotsiologiya prestupnosti* [Sociology of Crime]. Moscow; 2001. (In Russ.).